

Леди Дракнесс

СРЕДЬ БЕСКОНЕЧНОЙ ЧЕРЕДЫ СОЗВЕЗДИЙ

Книга 1
Ката

18+

Средь бесконечной череды созвездий

Леди Дракнесс

**Средь бесконечной череды
созвездий. Книга 1. Ката**

«Автор»

2020

Дракнесс Л.

Средь бесконечной череды созвездий. Книга 1. Ката /
Л. Дракнесс — «Автор», 2020 — (Средь бесконечной череды
созвездий)

Маленькая девочка, которую в племени растят как воина, обладает уникальными способностями. Именно они позволяют ей вовремя почувствовать опасность и покинуть родной оазис незадолго до его уничтожения враждебными инопланетянами. Однако это не избавляет малышку от необходимости бороться за свою жизнь: теперь на нее объявлена настоящая охота. Чтобы спастись от гибели, девочка должна добраться до города, где обитают чудовища, и стать одним из них — и это будет лишь началом трудного и полного опасностей пути героини...

Содержание

Часть 1. Ребенок	5
Пролог	6
Глава 1. Немного о планете...	8
Глава 2. В детстве...	11
Глава 3. Изменения...	13
Глава 4. Незваные гости	15
Глава 5. Одна	17
Глава 6. Спуск	20
Глава 7. По воде...	22
Глава 8. У Черной Пустыни	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леди Дракнесс

Средь бесконечной череды созвездий. Книга 1. Ката

Часть 1. Ребенок

Вспомнишь...
И Путь твой окрасится кровью врагов,
Дорога опять свернет в неизвестность.

Вспомнишь...
И Тайна свой сбросит Покров,
Оставив один на один тебя
С собственной Бездной.

Вспомнишь...
Теряя друзей на Пути
И не нуждаясь ни в чьей поддержке.
Без обязательств и дружбы оков
И на любовь не тратя время.

Вспомнишь...
Став свободным от всех,
Определяя лишь сам приличья:
Рамки, законы, мораль и грех, —
Только твое, что сам наметил.

Вспомнишь...
Уйдя от страха НЕ БЫТЬ,
Перешагнешь недоверия путы.
За горизонт событий сгинешь от тех,
Кто на словах лишь был тебе другом.

Вспомнишь...
Грозя стать бедой,
Для Мира, где был рожден когда-то.
И для семьи, что была не твоей.
Если САМ
НЕ РЕШИШЬ
ОСТАТЬСЯ.

Пролог

«Говорят, что гравитация – это одна из самых слабых Сил во Вселенной. Смешно! Вся Вселенная и возникла-то только благодаря ей. Ведь НЕдемонстрация силы – это отнюдь не признак слабости. Скорее уж сдержанность и умение не навредить окружающим.

Ну а гравитация, как по мне, так это и серый кардинал среди множества Сил Вселенной, и богатырь, держащий в своей руке эту самую Вселенную. Сожми он руку, и что останется от нее? А дерни этот самый кардинал за какую-нибудь из своих ниточек, пронизывающих пространство, и все: рисунок одной из частей Вселенной тут же начнет меняться.

Вот так и в жизни. Что-то притягивается в нее, а что-то исчезает, в зависимости от действия гравитации. Мы с кем-то встречаемся, а с кем-то рвем связь. Дружим и ссоримся. Находим и теряем. Вся наша жизнь и смерть – это маленькое проявление большой Силы.

Есть создания, притягивающие к себе неприятности. Постоянно становящиеся жертвой чего-либо или кого-либо. Этакie генераторы определенных связей, ведущих в итоге к проблемам в их жизни. Их гравитационное поле захватывает объекты, приносящие им зло и причиняющие боль. И казалось бы, все: тут-то и пришел их конец. А для многих так и есть. Но не для всех.

Тут как во Вселенной. Когда крупные галактики притягивают к себе карликовые. И вроде бы для карликовых – это беда. Ведь в подобной встрече они теряют звезды, газ... пролетая через большие скопления... По идее, разрушаясь до основания. Ан нет.

Диски карликовых галактик, пролетая сквозь крупные галактики, кромсают их тела, оставляя в них свои части. Иную энергию. Чужую для данного скопления. Прихватывая, в свою очередь, с собой энергию более крупного собрата.

Так и гуманоидные создания. Есть те, кто страдает. А есть те, кто любит причинять боль. И второй тип, встречаясь (притягиваясь) с (к) первым (-ому), принимает решение: нагадить в его жизнь, а то и отнять ее.

Такие – безжалостно кромсают чужие судьбы, притягивая к ним беды, ломая и отнимая саму жизнь.

А те, кто оказался в зоне действий гравитации подобных типажей, превращаются в жертв. Становясь этакой виктимной личностью¹. Или не становясь. Но зато вырабатывая умение выживать в экстремальных обстоятельствах. Превращаясь при этом в...

Ну, с жертвами все понятно. Это полное разрушение. Всего – психики, жизни.

А вот в кого превращается тот, кто сумел сохранить себя? В кого, если не в жертву? Как изменяет его чужая энергетика? Что становится с маленькой Галактикой, прихватившей с собою энергию большей? Хороший вопрос.

Ведь сумев не раствориться во враждебной для себя среде, привнеся в эту самую среду кусок своей энергии, кем-то же он тогда да становится, учитывая, что его жизнь испачкали чьи-то грязные руки? Так кем? Палачом? Судьей? Святым?

Видимо, ответ на сей вопрос зависит как от жизненных обстоятельств, в которых оказывается личность после сей судьбоносной встречи, так и от самой личности.

Эти, почти философские, рассуждения пришли в мою бедовую голову, когда я релаксировала на третьем уровне «Эдама»² – независимой военной базы дальнего космоса (НВБДК), любуясь видами звездного неба, открывающимися из обзорного купола, опоясывающего станцию.

¹ Виктимность – склонность человека становиться жертвой ситуации или обстоятельств (псих.).

² «Эдам» – независимая военная база дальнего космоса (НВБДК).

Мне нравилось это ощущение парения среди бесконечности звезд. Оно успокаивало и умиротворяло. Казалось, что нет ничего и никого, кроме тебя и миллиардов светил, туманностей, поясов астероидов и темных глыб планет. Ты одна, в этом темно-светящемся мире. Только ты и звезды. И это было здорово! Это было – ВОЛШЕБНО!

Конечно, стеклянный купол, опоясывающий станцию, не был предназначен для любования видами космоса. Да и стеклом то, из чего он был отлит, называли по привычке – из-за прозрачности материала.

Просто при нападении на станцию к приборам, отслеживающим перемещение противника, подключалась и команда с ее глазами, мозгами и выучкой.

И в этом случае наличие прозрачного купола давало возможность для более качественного наблюдения за ситуацией вокруг станции, с соответствующим принятием нужных мер, к истреблению и предотвращению угрозы, исходящей извне.

Так что стекловидный свод при нападении на нее был не маловажным плюсом в обороне. А нападали часто.

Я вздохнула. И задумчиво подув на стекло, нарисовала на нем веселую рожицу.

Ощущения у меня были двойственными. С одной стороны, я была очень рада, что оказалась здесь и сейчас. А с другой – мне было жаль того, что я когда-то любила, чем когда-то дорожила и что мне пришлось потерять.

Говорят, что без жертв ничего не бывает. Но ведь можно же было получить доступ к звездам и без таких крайностей? Почему обязательно потери должны быть невосполнимыми, а ситуации за гранью? Виктимность? Чья?

Я снова вздохнула и, с удовольствием вытянув ноги вперед, расслабленно облокотилась щекой о стекло.

Станция, казалось, парила в бездне без конца и края. На самом же деле держась четко в газовой туманности и прячась за поясом астероидов. Вернее, изображая из себя один из них.

Отвлекаясь, от завораживающих видов космоса, я чуть наклонила голову вперед и посмотрела вниз.

Там, среди металлических балок, каркасов, поддерживающих щиты потолка жилого отсека станции, присев на корточки, ожидал меня мой напарник.

Я хмыкнула. Слово-то какое – напарник. Звучало оно тепло и чуточку странно, поскольку много лет ни о каком напарнике я и не мечтала. Кто ж захочет иметь в напарниках самку, а тем более человеческую самку?

Но вот так как-то уж сложилось в моей жизни, что в ней появился тот, о ком и не мечтала.

А началось все...

Я снова повернулась к окну. Воспоминания яркими картинками всплывали в памяти, проступая сквозь нежелание мусолить прошлое, словно алые пятна крови на белых бинтах забвения.

За окном расстилался, отсвечивая беловато-желтоватым отблеском, как отражение блеска ближайшей звезды, туман. Дитя игры света и газа, был местами настолько густым, что сквозь него не было бы видно даже кончиков пальцев на вытянутой руке.

Впрочем, сейчас станция вообще окажется в черной области. Области пылевого облака. И видно будет точно не лучше, чем в газовом. Так что грех было жаловаться на видимость. Как говорится: наслаждайся тем, что есть, пока можешь.

Я улыбнулась и, глубоко вздохнув, дала возможность отголоском прошлого войти в мое: сегодня...

Глава 1. Немного о планете...

Начнем с того, что я отношусь к виду хомо сапиенс. И что родилась отнюдь не в самом цивилизованном месте нашей Вселенной.

Вернее, нет, не так – место в плане технических наворотов и пр. было вполне себе развито. А вот в плане морали, нравственности... Тут моя планетка однозначно не входила в число тех мест, в которых хочется жить. Посему находилась за гранью Сферы. То есть за границей тех Миров, которые сотрудничали друг с другом, имея развитую военную, транспортную, коммуникационную и пр. сети. Более того, она находилась, да и сейчас находится, вне закона Миров Сферы³.

Соответственно членам Миров, входящих в Содружество Независимых Планет, запрещалось: бывать на ней в любом качестве; поддерживать какой-либо из видов связи с ее обитателями; сотрудничать с ее правительствами; и наконец, ее космическим аппаратам любого вида нельзя было покидать пределы ее Солнечной системы.

Последнего, впрочем, пока не было и в помине. Не доросли еще катанианцы до космических кораблей, способных бороздить просторы хотя бы их Солнечной системы. Тем не менее такое ограничение стояло.

Как стояло и наблюдение пограничных дозоров объединенных пограничных войск Сферы Миров Содружества за этой Звездной Системой.

Но надо ли говорить, что «запретный плод отличается особым ароматом»⁴ и что бывали желающие побывать на моей планете? Тайно, конечно. Просачиваясь сквозь пограничные кордоны, выставленные Содружеством.

Зачем? Да все просто: кто-то – скрываясь от правосудия, кто-то – из желания развлечься. Пощекотать себе нервы, так сказать.

Были и обратные прецеденты. Когда кому-то из моих земляков удавалось пробраться в Миры Содружества, захватив звездолет кого-нибудь из авантюристов. Правда, когда они попадались полиции, то участь их была незавидна. Усыпление. Без вариантов.

Так что «зайцам» приходилось тщательно скрывать свое происхождение. Что было совсем не просто: а) из-за обязательных тестов ДНК, везде и всюду; б) из-за скверности характера, так я это называла. Ведь как говорится: «Острие ножа в дерюге не утаишь»⁵. А мои сограждане отличались беспринципностью, неадекватностью, интригами, коварством, злостью и жестокостью. Так что пробравшиеся вычислялись быстро.

Сама же планета, при такой склочности ее обитателей к разборкам, не отличалась густонаселенностью. Но зато отличалась постоянными войнами разного масштаба. И интригами даже в пределах клана. Сын не мог доверять матери, сестра – брату, муж – жене. Отравить кого-то за обедом было вполне обычным явлением. А уж перестрелять соседей чуть ли не входило в обязанности подрастающего поколения кланов. Сдерживала сии наклонности лишь сила тех же соседей. И коли кланы были примерно равны по численности и боевой мощи, то в ход шли интриги, яды и т. п. развлечения.

Впрочем, имелись ведь еще и дальние соседи...

Так что ближайшие зачастую объединялись. Чтобы выжить, для начала. А в перспективе захватить земли, прилегающие к территории «дружественных» кланов.

Но для того чтобы выжить и захватить – нужно было оружие. Оружие надо было кому-то и как-то создавать. Посему развилась промышленность.

³ Миры Сферы (Миры Содружества).

⁴ «Запретный плод отличается особым ароматом» – перефразирование поговорки «Запретный плод сладок».

⁵ «Острие ножа в дерюге не утаишь» – перефразирование пословицы «Шило в мешке не утаишь».

Да и дома, чтобы отразить нападение соседей, должны были быть крепкими. Потому развивалось строительство.

Кроме того, в кланах были женщины. Что само по себе являлось оружием против мужчин. Посему легкая промышленность, ювелирное производство, косметическое и т. п. – тоже развивались. Дабы хищницы были как можно очаровательнее. А потенциальная добыча – как можно более сговорчивой.

Соответственно были и города. С сетью торговых точек, ресторанов и пр.

Но и женщина, в свою очередь, считалась мужчинами вполне себе добычей, которую неплохо было захватить и перевербовать на свою сторону, ну или обобрать и убить, в зависимости от ценности экземпляра и могущества ее клана. И тут одного – запугать – порой было недостаточно. Надо было еще и очаровать, влюбить, чтобы потом самому использовать ее как оружие.

Так что на моей планете жизнь была ключом, и часто по голове. Была опасной, трудной, совершенно непредсказуемой и веселой, учитывая постоянный прилив адреналина, в кровь. Особенно в ранние годы. Потом все входило в привычку, превращаясь в обыденность.

Но поначалу...

Первой игрушкой, которую дарили ребенку, было оружие. К трем годам мы уже знали способ приготовления простейших ядов и противоядий к ним. Умели пользоваться оружием. По возможности, управляли транспортом. В основном сидя на руках у взрослого, конечно. Косметика, маскировка, ориентирование на местности, уроки выживания и боевых единоборств – все это ребенок постигал раньше, чем начинал нормально говорить. А еще он учился надеяться только на себя и, даже любя, не доверять никому. Проверять и перепроверять, отслеживать то, что у тебя за спиной, и полагаться наперед на свое чутье, а уж потом включать мозг.

Так учили меня в буквальном смысле с пеленок. Люльку, в которой я спала, толкали, пинали все, кто проходил мимо. И днем, и ночью. Потом, когда я уже сидела за столом, в мою тарелку что только не подбрасывали, стоило мне лишь слегка отвлечься.

А отвлекали меня, естественно, специально и постоянно.

Когда я начала ходить, то при пересечении двора, например, из кустов или из-за угла дома, из комнаты, из окна – в меня обязательно запускалось чем-то довольно неприятным. Это могли быть маленький камешек, кусок говна или сырое яйцо. Не важно. Важно было то, что если я не успевала среагировать, то у меня или красовался синяк во весь глаз, или я обтекала от прилетевшего в меня куска, хорошо если сырого яйца, а то ведь и кульки с мочой долетали.

Последнее было особенно обидным и неприятным. Уж больно долго приходилось отмываться.

Впрочем, я быстро училась. Так что очень скоро это что-нибудь, запущенное в меня, начало возвращаться обидчику. Правда, для этого его еще было надо выследить. Но и эту науку я освоила быстро.

Одним словом, мне никогда не было скучно. Я постоянно была при деле.

И... чувствовала себя вполне счастливой.

Мне нравились и развлечения, придумываемые для меня кланом, и мои родственники. Они не вызывали у меня неприязни или отчуждения.

Дедушка постоянно брал меня с собой в пустыню и много рассказывал и показывал. О растениях, о том, как добыть себе воду, как пережить зной и холод, как не заблудиться. Бабушка рассказывала разные истории и учила готовить еду, лекарства, яды. Мама пела песни и целовала меня, когда у меня хорошо выходило зарядить гранатомет или выйти из крутого виража, сидя у нее на ручках, за рулем машины. Дядя радостно цокал языком и подкидывал меня вверх, когда мне удавалось отстреляться по движущейся мишени без единого промаха. А тетя учила меня прятаться так, чтоб никто не нашел. А еще красиво подводить глаза и играть на гитаре.

Надо сказать, что, по меркам Каты⁶ (так называется моя родная планета), мой клан был весьма многочисленным. То есть успешным.

Единственное, чего у меня не было и о чем вслух не говорили, так это о моем отце.

Правда, как-то раз, в городе, на рынке мы встретили соседку. И та презрительно бросила, глядя на меня:

– Бастард.

Соседку скоро нашли упавшей в колодец со сломанной шеей, а мне так и не объяснили значение этого слова.

Через какое-то время я, конечно, попыталась порасспрашивать семью про своего отца. Но наткнулась лишь на непреступную стену молчания. Из чего заключила, что рыть в этом направлении мне придется самой. Видимо, ища и расспрашивая свидетелей. Потому как пытаться своих мне было неохота. Все ж свой клан – еще может сгодиться на что-нибудь, мало ли. А вот чужих – вполне, если не скажут по-хорошему.

Оставалось только выяснить, за какие концы тянуть? Вряд ли ведь все соседи в курсе моего происхождения. Значит, надо искать того, кто хотя бы знает, кто в курсе... Чем я и собиралась заняться на досуге.

В общем, я росла вполне разумным ребенком. Сдержанным и не капризным.

Но... Но тут вмешалась... Судьба, наверное. И мое счастливое детство закончилось в один миг. Одной тихой ночью. Когда весь мир, казалось, спал. А в высоком, прозрачном в своей чистоте, звездном небе не было ни облачка.

⁶ Ката – родная планета героини.

Глава 2. В детстве...

Говорят, что в детстве все кажется лучше, чем оно было на самом деле. Мир добрее, деревья выше, трава зеленее, запахи сильнее и т. д.

Но это лишь в том случае, если деревья не ядовиты и не плюют в тебя отравленными иглами, в высокой траве не таится засада, а запах – это не запах пожарища, того, что когда-то было твоим домом, и не запах отравляющего газа.

Нет, мир от таких нюансов вовсе не становится хуже, но вот смотреть на него приходится без добрых фантазий и мечтательных восторгов. То есть реально. Воспринимая все таким, каким оно и есть на самом деле, а не таким, как тебе бы хотелось.

Что очень оздоравливает и укрепляет нервную систему. Ведь нет иллюзий, нет и разочарований. А нет разочарований, нет и нервных срывов. Все просто. Остается всего ничего – выжить.

Что выживают не все, это я знала с пеленок. Но это ведь не относится к членам моего клана, правда? Иначе он бы не был таким многочисленным. Не имел бы такое количество хорошего оружия. И не держал бы под своим контролем несколько оазисов.

Так я думала. Да нет, была уверена в этом.

Но одна тихая звездная ночь опровергла мою убежденность.

* * *

Кату тихо и бережно обняла своим покрывалом ночь. Над красными песками пустыни заискрились миллионы созвездий, словно драгоценные камни, вшитые в тончайшее сплетение голубоватых нитей газовых кружев, раскинувшихся по небу.

Казалось, что космос танцует с планетой страстный и чувственный в своей неторопливости танец, одевая женщину в прозрачную газовую ткань и осыпая ее драгоценностями.

Томная теплота ночи, обычно не характерная для здешнего климата, и отсутствие черных дыр в рисунке звездного неба расслабляли и настраивали на романтический лад.

Дружно пели ночные птицы. Аромат ночных цветов кружил голову. Ни один ветерок не тронул верхушки деревьев, ни одного лишнего звука не издала пустыня.

В мире царили покой и гармония, в которые вполне вписывались и огонь в очаге, над которым колдовали женщины клана, готовя сладости; и аромат приготавливаемого мяса, доносящийся до самого дальнего закоулочка огромного двора, обнесенного высоким забором с узкими прорезями бойниц в нем; и негромкие разговоры людей, собравшихся на террасе дома, то и дело прерывающиеся негромким же смехом.

Клан собрался на Праздник Песков. А праздновался он три дня и три ночи.

Обычно в первый день праздника, детей посвящали в воины. Для чего они проходили различные испытания. Этакая сдача нормативов прошедшим курс молодого бойца. С подрывом чего-нибудь, типа моста, здания, техники; со стрельбой по разным мишеням; с управлением различного вида транспортом; с приготовлением и распознаванием ядов; с метанием ножей и т. п. развлечениями. Как в дневное, так и в ночное время суток. Смотрели и умение маскироваться, и умение все делать бесшумно, быстро и незаметно.

Успешно прошедшим испытания объявляли, что отныне они часть клана, способная постоять как за себя, так и за клан. И старший представитель клана трижды сжимал маленькую ладонь в своих руках.

А на второй день праздновали посвящение в воины.

Готовилось мясо, готовились сладости, пели песни, и были танцы.

Третий же день был посвящен обсуждению деловых вопросов, касающихся и жизни клана, и обстановки вокруг в целом.

На совете решались и вопросы поездки в город, и отношений с соседями, и вопросы женитьбы.

Чьи-то земли, возможно, надо было захватить, какой-то клан уничтожить. А возможно, было достаточно отравить одного из его членов.

Кроме того, зачастую кого-то из подросших членов семьи надо было отправить в город для освоения специальности, нужной клану. И заодно уж и закупить там оружие, машины и пр. необходимые для выживания мелочи.

Да мало ли было тем для беседы в большой семье?

* * *

Шел как раз второй день Праздника Песков...

Мне исполнилось пять. И я успешно прошла испытание, став воином клана.

Радость семьи от этого, теплота ночи, возможность поиграть с другими детьми окрыляли меня.

Так что я без усталости пела и плясала для взрослых, то тайком таскала куски сладкого пирога с противня у бабушки, а то носилась по двору, играя в догонялки, с кучей разновозрастных таких же оторвиголов, что и я.

Одним словом, жизнь была прекрасна и удивительна, пока...

Глава 3. Изменения...

Пока судьба не решила внести в мою жизнь коррективы. Зачем? Да кто ж его знает. Возможно, кто-то свыше решил, что течение моей жизни на данной планете будет слишком однообразным. Или что масштаб приложения сил на ней недостаточно широк. Вот и решил внести кое-какие изменения в ее рисунок. Чтоб я, так сказать, не застоялась и не заскучала.

И уж что-то, а скучать мне точно не пришлось.

* * *

Над ярко освещенным Оазисом Серры звучала музыка и слышался веселый детский смех, перекрывающий голоса взрослых.

Праздники в этом Мире случались не часто. Посему ничто и никто не должны были их омрачить.

И часовые замерли на стене, наблюдая за окружающим оазис ландшафтом.

Датчики движения, скрытые в песках, готовы были уловить малейшее шевеление в окружающей клан пустыне, если бы оно вдруг возникло.

Небо сканировали несколько локаторов, не пропустивших бы не то что летучий разведчик⁷, но даже и колючку, упавшую с дерева.

Среди песчаных гряд, окружавших оазис, замаскировавшись в песке, за окрестностями наблюдали разведчики, в любой момент готовые дать отмашку часовым на периметре.

На крыше одного из домов, подстелив под себя мягкие вязаные коврики, сидела парочка шаманов, смотрящих за энергетическим спокойствием округи. И готовая при малейшей опасности скользнуть в открытые люки чердаков, плавно переместившись в подземелье следом за остальными членами семьи.

К слову сказать, проложенные под землей каменные туннели также были оснащены датчиками движения и тоже охранялись. Мало ли откуда решит нагрянуть враг? Нет, конечно, выходы-входы из оных были хорошо замаскированы и заперты, но как говорилось в народе: «Лучше перебдеть, чем никогда не проснуться или проснуться совсем не там и не с теми, с кем бы хотелось».

И это была чистая правда.

Потому как «не проснуться» зачастую была просто милость свыше. Гораздо хуже было проснуться висящим на крюках в каком-нибудь каменном мешке, в окружении тренирующихся в освоении искусства пыток карапузов, не ведающих ни жалости, ни колебаний.

Но сегодня все в Серре было тихо. Стрекотали крыльями ночные стрекозы. Тихо шуршал песок при движении выползней⁸ по нему. Пели ночные птицы. Воздух был спокоен и настолько прозрачен, что пустыня просматривалась на десятки километров вокруг.

На небе не было ни облачка.

Ни один шаман не тревожил нитей Пространства, плавно текущих сквозь оазис.

Сегодня поистине был второй день праздника, и ничто не омрачало ни его, ни покой собравшихся.

Вот только маленькая кудрявая черноволосая девочка, без устали носящаяся по двору, вдруг замерла, а затем отступила в тень деревьев, отделившись от продолжающих игру сверстников. Да так и замерла по стойке смирно, сжав кулачки и вытянув вверх тонкую шейку, то ли к чему-то прислушиваясь, то ли принохиваясь.

⁷ Летучий разведчик – дрон.

⁸ Выползны – змеи.

Постояв так пару секунд, она решительно тряхнула головой, отчего кудри волной рассыпались по худеньким плечам, и быстро подошла к сидящим у большого костра взрослым, что-то сказав им.

Но те, словно не слыша ее, продолжали свой веселый разговор. Их гортанный смех в очередной раз разорвал ночную тишину.

Ребенок удивленно посмотрел на них, после чего сразу же подошел к молодой женщине, хлопотавшей чуть поодаль над чайником, и тоже что-то попытался ей объяснить. Но та лишь рассеянно погладила его по голове, не прерывая своего занятия.

Девочка тревожно посмотрела на нее и вновь отошла в сторону, на этот раз укрывшись в тени дома, а затем, после секундного раздумья, отправилась на крышу. К шаманам. Но и там от нее лишь отмахнулись.

Тогда, спустившись вниз и снова с опаской прислушавшись к чему-то, она решительно нырнула в темноту дома, а затем вниз... в еще более густую темноту одного из каменных туннелей.

Ребенок, несший что-то за спиной и державший в руках оружие, почти бегом двинулся по подземелью, не зажигая свет, прекрасно ориентируясь в переплетении ходов и без оного. Быстро уходя все дальше от дома.

В одной из ниш туннеля, в который она свернула, стоял самоход⁹ с моторчиком. Девочка хотела было взять его, но, прислушавшись к одной ей ведомым ощущениям, не стала этого делать. Отправившись в дальнейший путь пешком.

Наконец она выскочила наружу в одной из пещер, пробитой в скале, и заспешила вперед, на шум моря.

Там, осторожно петляя среди нагромождения камней, по самой кромке воды она добралась до крутого склона, сплошь поросшего колючим кустарником.

И ползком, не хуже любой змеи, виляя всем телом, начала пробираться наверх, буквально проскальзывая между торчащими и острыми как ножи корнями растения, покрывшим собою весь холм.

Ползла вперед, прижимаясь к самой земле, поросшей жесткой, как наждачка¹⁰, коричневой травой.

Наконец, достигнув вершины холма, затаилась, буквально срастаясь с серой землей. Словно становясь одной из ветвей колючего куста.

Так, став, по сути, частью флоры данного ландшафта, затаившись и почти перестав думать, чтобы не выбиваться из энергетического рисунка данной местности, она стала наблюдать за происходящим вокруг.

Хотя, судя по тревожному блеску раскосых темно-зеленых глаз, все «вокруг» для нее сократилось до одной светящейся веселым электрическим светом точки в пустыне.

⁹ Самоход – самокат.

¹⁰ Наждачка – наждачная бумага.

Глава 4. Незваные гости

Гости в доме всегда означают хлопоты. А незваные гости зачастую означают еще и неприятности. Иначе зачем бы им было покидать свои дома и трогаться в путь?

Так считали на Кате.

Так считала и маленькая девочка, словно хищный зверек, затаившаяся на вершине холма, среди переплетения ветвей колючего кустарника.

Там, впереди, внизу раскинулись бескрайние, словно море за ее спиной, пески пустыни. То тут, то там вздымающиеся барханами, как водная гладь волнами, что шумят, разбиваясь о камни, сзади нее.

Сверху над ее головой сияло в своей прозрачной черноте звездное небо, словно сливаясь с пустыней и морем в одно целое. Образуя триумвират. Этакое нечто, цельное в своей разности и прекрасное в своей необъятности, но отстраненное от мирских забот и чуждое человеку.

Впрочем, ребенку, наблюдающему за далекими огоньками родного Оазиса, вряд ли было до наблюдений за прекрасным.

Взгляд больших глаз рассеянно блуждал по открывающимся сверху видам.

Девочка ждала.

Чего? Она и сама не знала. Просто что-то в рисунке Мира вдруг стало не так.

Это «не так» не почувствовал никто из ее родни. Не почувствовали шаманы. Да и она сама не могла сформулировать, что могло быть не так, если все было без сбоев в энергетических линиях, из которых было сплетено пространство. Ничто не вплеталось в их узор. Никто не тревожил их паутинку своим движением. Энергия спокойно текла по своим каналам. Без сбоев и остановок.

И все же что-то в окружающем вдруг стало неправильным. И она почувствовала это. А почувствовав, ощутила, как страх жаркой волной поднялся откуда-то изнутри, сметая все доводы разума на своем пути. И ей стало понятно, что отсюда надо уходить. Бежать. Прочь! Покинуть Оазис без промедлений. Остаться в нем было нельзя. Ни минуты.

Справившись с охватившей ее паникой, с противной дрожью в коленках, с привкусом горечи во рту и необъяснимым запахом сгоревшей плоти, вдруг защекотавшим ноздри, она поспешила к взрослым, чтобы подняли клан и уводили. Уводили как можно быстрее и как можно дальше отсюда.

Но ее слова почему-то проходили мимо сознания взрослых. Ее будто не слышали. Не воспринимая сказанное.

Это было странно. Очень странно. При других обстоятельствах клан бы поднялся сразу. И неважно, что панику поднял ребенок. Неважно, что тревога могла быть ложной.

– Лучше поднять задницу, чем оставить на песке голову, – говорил ей дед.

– И пусть страхи останутся только страхами. Лишних тренировок не бывает, – внушала ей мама.

И поступали соответственно. Потому клан и был многочисленным. Потому в нем и умудрялись умирать своей смертью.

Но не в этот раз.

В этот раз взгляд глаз, направленных на девочку, пытавшуюся растормошить семью, был пуст. Ее слова не доходили до разума других членов клана.

А времени достучаться до них, у нее не оставалось. Катастрофически. И она это чувствовала. Время неумолимо ускоряло свой бег, приближая развязку.

Какую? Вот это она и собиралась выяснить, буквально становясь одним целым с окружающим ее ландшафтом.

* * *

А в пустыне тем временем всю гремели барабаны, жарко пылали костры, ароматно пахло приготовленное в огромных котлах мясо и звучал смех.

Бдительно застыли на своих постах часовые. Оператор отслеживал показания, передаваемые локаторами, сканирующими небо, и данные датчиков движения.

Шаманы, находясь в полутрансовом состоянии, внимательно вглядывались в рисунок Реальности окружающего Серру мира.

Ночь была по-южному душной и темной.

И никто из собравшихся на Праздник Пустыни не заметил возникшую в небе и взявшуюся словно из ниоткуда плоскую черную тень, застывшую на склоне одного из барханов.

Никто, кроме маленькой девочки, замершей среди ветвей колючего кустарника, на расстоянии одного перехода¹¹ от Оазиса¹².

При виде этой странной плоской тени ноздри ее тонкого курносого носа нервно дернулись. Одна бровь удивленно приподнялась.

Этот тип летательных аппаратов был ей неизвестен.

А значит, он был неизвестен и клану.

И ей эта неизвестность очень не нравилась.

¹¹ Один переход = 5 км.

¹² Оазис Серры – место, где выросла героиня.

Глава 5. Одна

Когда в небо взметнулся столб бело-голубого огня, поднимая в воздух и разбрасывая на многие переходы то, что осталось от моего Оазиса, я поняла, что ушла слишком недалеко от него.

Когда непонятный летательный аппарат начал поливать огнем все вокруг, все расширяя и расширяя радиус обстрела, я поняла, что это мое «недалеко» может иметь катастрофические последствия для меня.

Оставалось лишь натянуть на себя дыхательную маску¹³, еще плотнее вжаться в землю, придвинувшись к остриям корней вплотную, да радоваться тому, что от выхода из туннеля я ушла по диагонали в сторону на полперехода, не став оборудовать свой наблюдательный пункт прямо на скале. Ну и еще надеяться, что этого хватит, чтобы уцелеть.

Нечто летательное тем временем продолжало плевать зелено-белым огнем, наматывая по пустыне все более расходящиеся круги от центра Серры.

Взметались вверх столбы песка, оседали и проваливались внутрь каменные стены туннелей. Открывшиеся в земле провалы моментально засыпались обвалившимся на них сверху песком, который тут же заливался огнем, похоже, что из всех орудий, прилетевших к нам невесть на чем и невесть откуда.

Взрывались боезапасы, спрятанные в нишах туннелей. Горели деревья, когда-то дарящие благословенную тень детям Оазиса.

Взлетали на воздух остатки оборудования, спрятанные в лабораториях и на складах, находящихся еще ниже уровня туннелей.

Ничто не могло уцелеть под шквалом этого огня.

Мир завертелся вокруг меня в смертельном танце. Красный песок Серры столбом стоял в воздухе, смешавшись с красной кровью моей семьи, бело-голубым пламенем от взрывов боеприпасов и зеленым огнем, извергающимся из летательного аппарата врага.

Вся эта адская смесь, колом встав в воздухе, горячей бурей закрыла от меня небо.

От взрывов сотрясалась земля и закладывало уши. Так что я лежала, прикрыв голову руками и приоткрыв рот, чтобы не порвались барабанные перепонки. Отмечая краем сознания для себя тот факт, что неизвестная конструкция двигалась и стреляла бесшумно. Звуки исходили исключительно от взрывов наших боеприпасов, шелеста нашего песка и от скрежета камней наших же обваливающихся конструкций.

Воздух тем временем дрожал, словно марево в жару, и как будто бы то сворачивался, то, развернувшись вновь, накрывал тугой волной все, что было рядом, в радиусе не менее десяти переходов, как определила я для себя зону поражения.

От этого действия возникали странные ощущения. Все пространство просто трясло, как будто бы от пронизывающего холода: дрожал земляной холм, дрожали скалы, дрожал песок, дрожало все внутри. А потом все стало выворачиваться наизнанку, словно вспоротая на животе шкура бура¹⁴, сворачиваясь в трубочку и обнажая внутренности.

Обнажились засыпанные песком туннели, отступила вода моря, демонстрируя скрытое под ней. Треснувшая скала осела, осыпаясь грудой каменных обломков, но не внутрь туннеля, а наружу, показывая то, что было сначала спрятано в ней, а потом разгромлено неизвестным оружием.

Треснул холм, на котором я притаилась. И если б не сплошное переплетение вросших в него и проросших насквозь корней, он бы просто рассыпался. Корни кустарника, тем не

¹³ Дыхательная маска – нечто сродни противогазу.

¹⁴ Бур – животное. Среднее между бараном и козлом.

мене, треснули, орошая остатки земли, те, что им еще удавалось удержать вокруг себя, густым, бурым, ядовитым соком.

Я же, свернувшись калачиком на остатках холма, среди паутины острых корней, истекающих едким соком, пытаюсь дышать как можно более редко и как можно менее глубоко, вытаскиваю откуда-то из себя, словно из глубин клеток, из которых и состояла вся я, целиком и полностью, то, что можно было назвать энергетическим коконом. И закрылась в нем, будто птенец в яйце, пытаюсь ни о чем не думать и ничего своего не чувствовать, лишь пропускать через себя то, что чувствовал и воспринимал окружающий меня Мир, не более. Лежала, пытаюсь унять дрожь, перестать чувствовать страх, стараясь стать просто частью ландшафта. Его неживой частью.

Старалась. Очень старалась.

Поскольку что-то, гораздо более глубокое, чем обычная память, говорило мне, что если я учуяла этих... учуяла непонятно как, учуяла единственная из всего клана, то и они способны меня учуять. И потому надо сидеть тише вод озера долины¹⁵, экономя силы, если, конечно, я хочу попытаться выжить.

А выжить я хотела. Ведь как говорил мой двоюродный брат нам, мелкоте, столпившейся рядом с ним, сидящим у самого костра и важно попыхивающим деревянной трубкой, набитой табаком:

– Умирать надо тогда, когда ты способен забрать с собой в могилу всех своих врагов.

Он был совсем взрослым, мой брат. Ему было пятнадцать. Но вот чего я не могла в данный момент, так это прихватить с собой в яму всех врагов.

И потому, став не более разумной, чем земля на приютившем меня холме, приняв позу эмбриона, еле дыша, я ждала. Ведь...

– Все когда-нибудь заканчивается, так или иначе, рано или поздно. А холодные ветра обязательно сменятся теплыми, – так говорила мне мама, дуя на мою разбитую коленку.

И я ждала. Ждала, экономя силы и надеясь, что скоро пришедшим надоест громить все вокруг и что у меня хватит энергии этого дожидаться. Иначе мои внутренности просто вывалятся наружу сквозь мою порвавшуюся шкуру. А это казалось мне очень обидным и совсем не справедливым. Хотя «казалось» не совсем верное слово в данной ситуации. Ничего мне в тот момент не казалось. В тот момент я просто старалась дышать как можно реже. И это было все, за чем я следила, пока звук взрывов не стих.

А когда он стих, то, похоже, в ход пошли бомбы. И это уже не было тихим и бесшумным уничтожением моего клана из орудий со стороны пришлых. Потому как от их «плюх» и «бух» снова земля вставала дыбом, и снова я рисковала оглохнуть, если раньше меня не накроет взрывом.

А потом землю стали поливать чем-то таким, отчего песок и камни плавилась, а вершины кустов горели, хотя они и были чуть в стороне от главного действия этой ночи. И земля стала очень горячей. И если б не костюм из кожи изерги¹⁶, то я бы точно зажарилась, как яйца на сковороде, разогретой на плите к завтраку.

Но и это прошло.

И наступила тишина-на...

Страшная, оглушающая тишина. Когда непонятно, жива ты или нет, слышишь или оглохла, цела или осталась без какой-либо части своего тела, болит у тебя что-нибудь или нет, и вообще, есть ли еще чему болеть?

Но выяснять это я пока не собиралась. Как и высовываться наружу. Я ждала. И не напрасно.

¹⁵ Сидеть тише вод озера долины – сродни нашей «Тише воды, ниже травы».

¹⁶ Изерга – огромная ящерица, среднее между вараном и крокодилом.

Несколько раз холм накрывала пролетающая мимо черная плоская тень от неизвестной мне конструкции.

А потом опять тишина. И ничего. И вновь широкая тень, плавно скользящая вдоль моего укрытия.

Весь мир просто исчез для меня. Остались только я и эта черная плоская тень.

Только эта черная тень и я, ничком лежащая на обожженной земле. Я – никто и ничто. Часть пейзажа, не более.

И война. Но не с неизвестными. С самой собой.

Война со своими нервами, война со своим темпераментом, война со своим страхом. Испытание выдержки. Экзамен на хладнокровие.

Не знаю, чем бы закончилось дело, но тут до меня долетело эхо еще чьего-то присутствия. Не звук, не силуэты. А эхо их энергетики.

Сейчас я знаю, что это были патрули Содружества, искавшие нарушителя. Того, кто вопреки Закону проник на запретную территорию.

И встречаться с ними тем, кто уничтожил мою семью, судя по всему, совсем не хотелось. Поэтому неизвестные быстренько ретировались.

Оставив за собой выжженную землю и маленькую девочку, свернувшуюся клубочком под обугленными корнями того, что когда-то было огромным цветущим кустом с пряным и нежным ароматом светящихся в ночи нежно-голубых цветов.

Глава 6. Спуск

Пролежав еще энное количество времени на месте ровно и убедившись, что уже никто сюда не прилетит (все, кому надо, отлетались), я осторожно пошевелилась. Совсем чуть-чуть – чтоб заработали затекшие от долгого нахождения в одной позе мышцы и чтобы случайно не наткнуться на остатки куста. То есть на части корней, стволов и сучьев, пиками торчащих во все стороны из того, что когда-то было холмом. И чтобы проверить крепость хоть и обугленных, но все еще переплетенных между собой корней куста – того единственного, покалеченного, но не разрушенного, что осталось от земляного холма после прилета «гостей».

Кроме того, небо над пустыней начало сереть, а это означало восход солнца. А восход означал жару. И ядовитые испарения от раненого куста.

А заодно наступающее на Кат у утро означало и приезд «гостей» из соседних Оазисов. Что в свою очередь означало, что мне надо было уносить отсюда ноги.

Поскольку Серра как территория освободилась от хозяев, с вытекающим ее дележом между другими кланами, как только они в этом убедятся воочию...

И выживший представитель клана никому из претендентов был, соответственно, не нужен. Разве что для пыток. Чтобы отыграться на нем за свои прошлые страхи и ущемленное самолюбие. Добравшись безнаказанно до части той семьи, к членам которой, при ее жизни, никто из них и близко даже подумать не мог, чтобы хотя бы просто косо посмотреть в их сторону, а не то чтобы приблизиться.

Но после такого подарка «свыше» никто из соседей не станет себя ограничивать в развлечениях, если только я попаду им в руки.

Так что мне пора было делать отсюда ноги. И как можно быстрее и дальше.

Сказано – сделано.

Осторожно выбравшись из-под остатков корней приютившего меня растения, я, головой вниз, словно хозяин сетей¹⁷, распластавшись на корнях кустарника, по ним же начала спуск вниз.

Спускаться вниз головой было страшновато, но это был единственный вариант, что называется, руками пройти разветвленную сеть частей куста. Ориентируясь в их переплетении, обходя острия корней, стволов, веток и шипов, торчащих во все стороны; пройти между... не опираясь на выжженные или слишком хилые, после поджарки неизвестным оружием, части кустарника.

Проползти, держа направление вниз, без смещения в сторону – в дебри лабиринта, который из себя и представляло сплетение стволов, веток и корней этого представителя флоры.

Его разросшиеся корни и правда напоминали сети. И то, что они оголились, помогало мне спускаться вниз, опираясь на их кружево. Плохо было то, что сейчас они были довольно ломкими и скользкими от выступившего на них ядовитого сока, а холм – довольно крутым и высоким. Да и запачканные соком куста стекла маски мешали нормальной видимости. Так что быстрого спуска у меня не получилось. А если бы не перчатки из кожи изерги, замедляющие скольжение по стволам, я бы вообще давно свалилась вниз. Прямоком на пики корней, частоколом торчащие из земли. Соответственно вообще никогда бы не добралась до подножья холма, закончив свой путь куском мяса на вертеле.

Но я добралась.

Добралась. И нырнув в море, смыла с себя ядовитый сок. А потом, достав из кармана дозиметр, замерила уровни радиации и отравляющих веществ: на себе, в воздухе, на земле, в воде.

¹⁷ Хозяин сетей – паук.

Как я и предполагала, уровни были завышены. Что неудивительно, благодаря взрыву боеприпасов и лабораторий моего клана.

Но только они, как заметила я про себя. Ничего неизвестного дозиметр не показывал. Обычный состав воздуха. Обычные показатели после аварии. Соответственно, пришлые следов не оставили. Не считая разгрома, конечно.

«Ну, с очисткой всего этого пусть теперь заморачиваются мать природа да соседи», – горько усмехнувшись, цинично заключила я, делая шаг в сторону от холма и все-таки оглядываясь назад.

Кому я теперь была должна, так это этому, разгромленному неизвестными, кусту. За уют. За укрытие. За то, что не покалечил. Что дал уйти.

Замерев на полшага, я развернулась назад и подошла к торчащим во все стороны расщепленным и обожженным кускам растения. И сорвав со своего воротника ленту с вышитыми на ней символами клана, повязала ее на одну из его веток. Прямо рядом с поникшим, обуглившимся, когда-то огромным и красивым, а теперь бурым от пролитого на него сока материнского растения и почерневшим от неизвестного воздействия пришлых цветком.

После чего, достав из бокового кармана рюкзака баллончик, прыснула дезинфектором сначала на поломанную ветку растения, потом на острый серповидный нож, вытащенный мною из голенища высоких ботинок, а затем – себе на запястье.

И чуть приспустив перчатку, одним резким и скупым движением клинка резанула себя по руке, полив своей обильно текущей кровью куст и землю вокруг него.

А затем вновь прыснула из баллончика себе на запястье и натянула перчатку обратно. Кровь остановилась, рана была обработана, а куст отблагодарен.

Таким образом здесь я не была должна никому и ничего.

Однако небо над пустыней посерело еще больше.

Скоро появится солнце.

Так что пора было уходить. Куда? Да вариантов-то у меня было немного.

А вернее, только один: город.

«Конечно, – размышляла я, шагая по самой кромке воды, уходя прочь от когда-то родного для меня места. – Надо уходить как можно быстрее и как можно дальше отсюда. Ведь этим своим подношением духам я наследила. И пришедшие сразу поймут, что есть выжившие. И начнут искать. Но оставаться должником – значит иметь хвост, держащий тебя и лишаящий свободы. Так говорили взрослые. Так что я не хочу быть кому-то и что-то должной. Тем более что кое-кто явно задолжал мне. Не знаю: кто? Не знаю: почему? Не знаю: как? Но я их найду. Пусть и среди звезд. И ни один хвост не будет держать меня здесь. Я так решила».

* * *

Белые острые зубы зло скрипнули под дыхательной маской, и девочка ускорила шаг.

Глава 7. По воде...

«В город – это, конечно, хорошо. Это правильно, – рассуждала я, шагая по краю набегающих на песок волн. – Вот только как туда добраться? И что потом делать там?»

Вопросы, задаваемые самой себе, надо заметить, были совсем не праздными. И требовали скорого ответа, хотя бы в первой своей части.

Поскольку ночь уступала свои права дню. И небо над головой все более светлело.

А это означало, что скоро соседи поднимут в воздух наблюдателей¹⁸ и разведчиков¹⁹. И начнут поиски выживших. Начнут-то облет они, конечно, непосредственно с Серры, но потом расширят поиски. Да и по земле отправят следопытов. А те уж найдут место моего пребывания на эту ночь. А когда найдут, то отправятся по следу. Выслеживая, словно дичь, и с земли, и с воздуха.

И своих в городе, естественно, поднимут, если не поймают меня тут, на местности.

Значит, если я до него доберусь, то там меня уже будут ждать.

И какой вывод из этого следует?

А вывод был простой – нечего мне было делать в ближайшем городе. Поймают. У меня, в отличие от соседей, родни там не осталось. Все съехались в Оазис. И все полегли в нем.

Так что надо было добираться туда, где у соседей никого не было, в силу удаленности города от места их базирования. То есть в город, находящийся как можно дальше от нашей пустыни.

Спрашивается, почему там у соседей никого не будет? Да просто исходя из того факта, что добраться куда бы то ни было на Кате было совсем не просто. Это вам не разветвленная сеть дорог, цивилизованные аэропорты, заправки, общественный транспорт и т. п.

Нет, конечно, транспорт-то тут был, как и заправки. Вот только купить билет на этот самый транспорт было не так-то просто, как и, в принципе, заправить свой квадлинг²⁰ или амиобиль²¹, например. Нужны были связи среди перевозчиков, а лучше родственники, работающие на транспортных узлах и заправочных станциях.

А то ведь далеко не уедешь. Убьют раньше.

Кроме того, одиночке вообще было опасно. Была охрана на транспорте, желающая пожить. Были их конкуренты, желающие отжать бизнес и следящие за подступами к станциям. Поэтому если ты отправился в дорогу один, то рисковал быть убитым и ограбленным еще на подходе к транспортному узлу.

Посему нужно было передвигаться группой. Хорошо подготовленной группой. И лучше на своем транспорте. Иначе не сможешь постоять за себя. И никогда не доберешься до места назначения. А доберешься разве что в Долину Смертных Теней.

Соответственно чем дальше что-то находится от места твоего дома, тем сложнее туда попасть. Из чего следует, что в дальних городах мало у кого были связи. А наш клан был самым многочисленным и самым богатым в этой пустыне. С самой разветвленной сетью Своих²² в разных городах. Чем не могли похвастаться соседи.

Значит, что? Значит, надо идти туда, где Своих не было даже у моего клана. Там соседи меня достать точно не смогут.

¹⁸ Наблюдатели – пилоты на мотодельтапланах.

¹⁹ Разведчики – иногда вооруженные люди на квадлингах, иногда дроны. Чаще люди на квадлингах с дронами. Вооруженный отряд какого-либо клана. Впрочем, Наблюдателей также вполне можно было отнести к разведчикам. Тем более что их мотодельтапланы были вооружены.

²⁰ Квадлинг – квадроцикл.

²¹ Амиобиль – автомобиль типа багги.

²² Свои – родственники, члены клана.

А теперь вопрос: если на этой планете добраться куда-либо сложно и взрослым, то как это сделать пятилетнему ребенку? Одному.

И это был хороший вопрос. На который я срочно искала ответ, перебирая в голове самые фантастические варианты. Типа, незаметно пробраться в амиобиль и...

И все.

В амиомобиле меня найдут мгновенно.

А если пешком? Ха! Да без своего транспорта я до Узла²³ вообще не доберусь. Выследят или на дороге, или на подходе. Не охрана, так соседи. Это понятно даже трехлетнему ребенку. А мне все же пять лет.

К тому же днем стояла испепеляющая жара, так что идти, как и ехать куда-либо, было лучше на срезе вечера и ночи, ночи и утра. А до этого залечь в схрон.

Вот только соседи в своем рвении найти меня перероют всю пустыню. Просеют песок через мелкое ситечко, если понадобится. И выловят-таки в любом схроне.

Так что это был не вариант. Фантазии на тему – да. Но не вариант.

Да и фантазировать мне уже было некогда.

Горизонт светлел с каждой минутой все больше. Надо было что-то решать.

И я решила.

Наметанным глазом, найдя еле приметный камешек, вросший в песок и чуть возвышающийся над водой, я подошла к нему и ровно по диагонали, относительно самой дальней точки, видимой на горизонте, вошла в море, после чего, пройдя по воде несколько шагов вперед, нырнула.

Чуть прохладная прозрачная вода сомкнулась над моей головой.

Впрочем, прозрачной она была недолго. Несколько гребков, и я нырнула в темноту притаившейся на дне моря расщелины. Вода стала ледяной. Костюм, конечно, препятствовал переохлаждению, но даже в нем я бы долго не продержалась. Конечности уже начало сводить от холода. Прекрасно понимая, что времени у меня немного, я ускорила. Несколько резких гребков, и... первая, вторая, параллельно третьей, слева... – нужная мне коряга, притаившаяся на дне расщелины, была обнаружена.

Еще пара секунд, и из-под нее была вынута доска с утолщением на одном из своих концов, похожим на чью-то голову. И двумя ручками, торчащими по бокам этой «головы», отчего она напоминала безлапого монстра с головой и двумя рогами.

Обхватив ее ногами, я резко потянула за нить, прикрепленную к доске тонкими деревянными скобами, и небольшой мотор басовито заурчал, словно сытый хищник, споро двинув доску вперед.

Я же плашмя плюхнулась на обретенное транспортное средство, чтоб оно не уплыло без меня в неведомые дали, ухватившись за ручки, прикрепленные к корпусу мотора, и направила доску вверх. Поближе к теплему течению. Поскольку мои руки к этому моменту заоченели уже настолько, что я почти не чувствовала собственные пальцы, пытаюсь покрепче ухватиться ими за ручки своего транспорта.

Доска тем временем шустро потащила меня вперед... И мне даже удалось не свалиться с нее.

Посему из холода темноты к теплу и свету мы попали быстро.

А всплыв, я направила ее в противоположную сторону от восходящего солнца и ближайшего города, туда, где в морских водах возвышалась едва видимая глазу черная скала.

²³ Узел – место, в котором сходились несколько дорог. Содержал в себе стоянку, заправочные станции, билетные кассы, несколько единиц автотранспорта, ремонтный ангар, охрану, каркас остановки, закусочную, небольшую гостиницу, стоянку для частного транспорта, казарму для сотрудников узла, кабинки туалетов, киоски с водой, оружием и разными бытовыми мелочами.

Там, в пещере под ней, был мой первый перевалочный пункт. Там был схрон²⁴. А значит, горючее, вода и еда.

И самое главное, что попасть в него я успевала до полного восхода солнца.

То есть до начала разведывательной вылазки соседей.

* * *

Через полтора часа я уже выбиралась на берег пещеры, расположенной внутри скалы.

Выбралась, должна сказать, с трудом.

Ноги скользили по мокрым камням, стекла маски запотели, а волны норовили утянуть меня обратно в воду...

Кроме того, я устала и хотела есть, пить и спать. Последнее, впрочем, мне не грозило. Оставаться здесь было опасно. Слишком близко этот схрон находился к моему Оазису.

Так что, замерив дозиметром общий фон, сначала в пещере, потом своей одежды, а затем и земли, на которой сидела, и убедившись, что все неплохо, единственное, что я себе позволила, так это снять маску и ботинки. Обработав это все дезинфектором и приторочив к висящему за спиной рюкзаку.

После чего вытащила из одного из пакетов, припрятанных в глубине каменного завала в пещере, ласты. Плыть в них было гораздо удобнее, чем в ботинках, пусть и почти герметичных.

Затем достала канистру с горючим, долила его в бак моторчика доски и перелила часть во флягу, прикрепив ее к дну своего рюкзака. После чего, перекусив галетами и пожевав сушеное мясо, запила все это водой.

И достав из-под одного из камней, одинаковой грудой лежащих в пещере, плоский сверток, распотрошила его, извлекая на свет легкий, почти прозрачный плащ.

Найден он в свое время был после линьки все той же изерги. Так что, несмотря на свою легкость, весьма неплохо защищал как от жары, так и от холода. Был весьма прочен. Водонепроницаем. Хорошо регулировал теплоотдачу тела. Был стоек к разного рода отравляющим веществам. И ко всем прочим плюсам, обладал еще и способностью хамелеона.

Одним словом, был прекрасным дополнением к моему костюму.

В итоге, пополнив запасы всего того, что мне могло пригодиться в дороге, и ровно настолько, сколько я могла унести и увезти без сильного снижения скорости передвижения в пространстве, через полчаса отдыха я вновь шагнула в морские волны.

Мой путь лежал к следующей группе скал, что крайней точкой высились у самого края горизонта.

Доска шустро понесла меня вперед по волнам, унося все дальше к закату.

Общий фон, как и фон воды, был в норме, так что я сменила маску на просто защитные очки и респиратор, подложив снятое себе под грудь.

Надо сказать, что погода мне благоволила. На море не было ни сильного ветра, ни огромных волн. Так, самую малость. Как раз столько, сколько водной ряби нужно для того, чтобы меня было сложно отследить.

В пути мне не встретилось ни одного хищника, ни одной лодки. А благодаря накидке меня не замечали и птицы, соответственно, на меня никто не нападал и сверху. И никто не кружил надо мною, привлекая ко мне внимание.

Так что двигалась я довольно быстро. И один схрон сменялся другим. Я пила, ела, доправлялась и снова трогалась в путь.

К ночи, правда, пришлось подстегивать себя энергетиком, поскольку почти сутки на ногах – это был явный перебор. И я начала просто валиться с ног.

²⁴ Схрон – тайник.

Ну и пришлось засунуть себе в рот щепотку листьев чары²⁵, чтобы суметь добраться до крайней точки моего маршрута.

Уже ближе к утру аккуратно, чтобы набегающие на скалу волны не размазали меня по ней, я выбралась на берег очередного схрона. Ноги и руки дрожали от усталости, глаза слипались на ходу. Мне даже есть не хотелось. Только спать.

Вокруг тем временем начинало сереть. Наступало утро.

На этот раз небо еще с ночи было затянуто плотными облаками, так что ни одна звездочка не освещала мне путь. Лишь тяжелые черные тучи висели над головой.

Так, в почти непроглядной темноте, я и проплыла всю ночь, меняя один схрон за другим.

И если бы мои дяди не отработали со мной прохождение всего маршрута множество раз, доведя все до автоматизма, я никогда бы не добралась до крайней морской точки в моем путешествии, поскольку никогда бы не нашла в крошечной темноте ни нужные мне скалы, ни входы в их пещеры.

Тем более что зажигать фонарик было опасно. Его свет точно бы привлек разнообразных хищников, жаждущих подкрепиться.

А хищники в этих водах водились такие, что свет ночью предпочитали гасить даже большие корабли, впрочем, как и глушить моторы. Да и вообще, на ночь лучше было укрыться с кораблем в какой-нибудь бухте, спрятавшись среди скал.

Впрочем, днем было немногим лучше.

Потому редко кто отваживался сунуться в воду. Поэтому я выбрала именно этот маршрут ухода. Потому этот маршрут и нравился моему клану. На суше меня ждали. А к воде, даже из Наблюдателей, редко кто отваживался приближаться.

Однако это был крайних схрон, к которому я могла добраться по воде. Дальше мой путь лежал по суше.

Но, прежде чем отправиться вперед, я однозначно должна была выспаться.

Так что, замерив окружающий фон дозиметром, натянув растяжки²⁶ на входе в пещеру, наскоро проглотив что-то из сушеных фруктов и запив это водой, я вытащила из-за камней спрятанный в них спальник и... видимо, забралась в него. Поскольку в нем и проснулась.

Проспав без единого сновидения почти тринадцать часов кряду.

²⁵ Листья чары – типа листьев коки. Природный энергетик. Наркотических средств не содержит.

²⁶ Растяжка – подвешенное взрывное устройство.

Глава 8. У Черной Пустыни

С трудом расчесав длинные, спутавшиеся под чалмой волосы, я с облегчением отложила расческу в сторону и призадумалась.

Да и было о чем. Красную Пустыню я благополучно обошла стороной, передвигаясь по воде. Но дальше начинались черные пески и чужая для меня территория. И миновать ее я не могла никак. Мой путь лежал на северо-запад, прямехонько через Черную Пустыню. А это несколько дней пути, от схрона к схрону. И до тайника-то ведь еще надо было как-то суметь добраться. А это – чужие племена, это – хищники, и это, вполне вероятно, мои доброжелательные соседи, идущие по следу, а может быть, уже и поджидающие меня у схронов, вдруг да ими обнаруженных. Все может быть.

И тогда едой и водой стоит запастись впрок, а заодно и решить, на чем добираться хотя бы до ближайшего тайника.

Этот вопрос тоже был интересным. Конечно, в пещере был припрятан кое-какой транспорт, вот только любой мотор работает не бесшумно. А звук в пустыне распространялся на весьма приличные расстояния. А это что значит? Да то и значит, что шум моторов привлечет внимание. Притом всеобщее. Оно мне надо? Ответ был очевиден. Значит, надо передвигаться бесшумно.

То есть или на своих двоих, или на дельтапланере²⁷. На своих двоих я не дойду – сил не хватит. А дельтапланер летит исключительно по ветру, которого, к слову, или может не быть, или дуть он будет совсем не туда и недолго.

Был еще, конечно, вариант выследить и подчинить себе криса²⁸, доехав потом на нем до пункта назначения. Да только так он меня и ждет не дождется. Стоит у входа в пещеру и думает: «А как бы меня кто оседлал?»

Я фыркнула своей собственной глупости. Крысы, конечно, были почти идеальным транспортным средством для пустыни. Бегали шустро, ни жары, ни холода не боялись, ели и пили мало и что придется, в том числе и человечину, должна заметить. Да и дрессировке поддавались неплохо. Охраняли стоянку хорошо. А еще и доились, если тебе, конечно, свезет поймать и подчинить себе самку с детенышем.

Вот только людей они не любили. Были зубасты и когтисты. Бегали стаями. И были довольно агрессивны.

Зато, зарывшись в их длинную шерсть, можно было не бояться ни зноя, ни холода. Да и воду они чуяли за сотни километров. А чужих – за десятки.

Вот и поди подкрадись к ним. Неет, это тогда уже будет отдельная спецоперация. Между делом это не провернешь.

Я вновь тяжело вздохнула, глядя на себя в маленькое круглое зеркальце и расчесывая небольшой, имеющей форму волны щеточкой на тонкой длинной ручке свои ресницы. Ресницы у меня были густыми, пушистыми, длинными и требовали отдельного ухода за собой.

²⁷ Дельтапланер – мотодельтаплан.

²⁸ Крис – нечто среднее между верблюдом и волком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.